PG 4064
.H25 S7
Copy 1

PG 4064
.H25 S7
Copy 1

ВОСПОМИНАНІЕ

о

В. В. ГАНКѢ.

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

0
EG
UL
O.
1
S.A
2
3
4
5

Sreznevskiĭ, Izmail Ivanovich

ВОСПОМИНАНІЕ

о

В. В. ГАНКѢ.

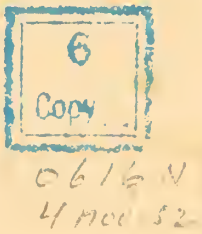
И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

PG 4064
.H25 S7



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, 15-го марта 1861 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Изъ 4-го выпуска Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воспоминаніе о Ганкѣ. Записка читанная въ засѣданіи 2-го Отдѣленія Академіи 13 января 1861 года . . . . . стран. 1—24

II. Приложенія:

1. Изъ статьи П. А. Лавровскаго . . . . . 27—35
2. Извѣстіе о кончинѣ Ганки изъ газеты «Čas» . . . . 37—38
3. Извѣстіе о погребеніи Ганки . . . . . 39—42
4. Надгробныя стихотворенія . . . . . 42—44
5. Поминки по Ганкѣ 44

III. Обозрѣніе филологическихъ и археологическихъ трудовъ Ганки. . . . . 45—55

ВОСПОМИНАНІЕ О В. В. ГАНКѢ.

Телеграмма 12 янв. 1861 н. с.
Профессоръ Вячеславъ Вячеславичь Ганка
сегодня въ 6 часовъ вечера — умеръ.

Ганка умеръ. Эта вѣсть разойдется по всему Славянству изъ конца въ конецъ, и многими, очень многими принята будетъ скорбно — даже и у насъ не только на западѣ, въ каждомъ изъ краевъ Славянскихъ не только въ его родной землѣ Чешской.

Немногими словами можно передать о жизни Ганки почти все, что̀ обыкновенно входитъ въ кругъ вопросовъ о жизни частнаго человѣка. Ганка родился сыномъ поселянина (Градецкаго края земли Чешской); дѣтство и отрочество провелъ въ полѣ, пася овецъ отцовскихъ, и учился только зимою, когда не нуженъ былъ отцу по хозяйству; позже получилъ отъ отца позволеніе учиться въ гимназіи только потому, что иначе бы могъ быть взятъ въ рекруты, и только уже двадцати трехъ лѣтъ поступилъ въ число студентовъ Пражскаго университета. По окончаніи курса юридическихъ наукъ получилъ званіе присяжнаго переводчика Славянскихъ нарѣчій, немного позже избранъ хранителемъ древностей и книгъ Народнаго музея, только-что основаннаго въ Прагѣ — и съ тѣхъ поръ остался при

этомъ музеѣ навсегда, слишкомъ на сорокъ лѣтъ. Съ этою должностью онъ соединилъ послѣ только обязанности безплатнаго преподавателя Русскаго и Польскаго языка при университетѣ и Чешскаго языка въ Сербо-Лужицкой семинаріи. Онъ устроилъ порученную ему часть Народнаго музея и, трудясь постоянно надъ разработкой древностей Чешскихъ, постоянно издавалъ плоды своихъ трудовъ; издалъ и нѣсколько книгъ для изученія разныхъ Славянскихъ нарѣчій. Никогда, во всю жизнь, не былъ онъ сочтенъ достойнымъ никакой награды отъ правительства ни за службу, ни за труды *). Жилъ малымъ, хотя и не слишкомъ бѣдно, потому что не во многомъ нуждался въ жизни, и потому, что жена его, съ которою прожилъ онъ слишкомъ 38 лѣтъ, умѣла сводить концы съ концами. Жилъ мирно **).

Вотъ почти все, что̀ можно сказать о жизни Ганки, какъ частнаго человѣка. Для нѣкоторыхъ, можетъ быть, не напрасно будетъ прибавить, что какъ писатель, несмотря на множество книгъ и книжекъ, имъ изданныхъ, онъ не можетъ быть поставленъ въ число очень важныхъ, потому что не оставилъ по себѣ ни одного, что называется «капитальнаго» произведенія.

А между-тѣмъ все таки правда, что вѣсть о его кончинѣ скорбно принята будетъ во всемъ Славянствѣ. И не безъ причины при его скромномъ погребеніи въ Прагѣ 3-го (15-го) января, за гробомъ его шла почти пятая доля всего населенія Праги, между прочимъ и много знати, и очень многіе изъ провожатыхъ были въ траурѣ.

---

*) Онъ получилъ только золотую медаль за заслуги literis et artibus. Русское правительство почтило его орденами св. Анны и св. Владиміра.

**) Лучшія біографіи В. В. Ганки помѣщены—въ Kapesním Slovníčku novinarském a konversačním Риттерсберга, изд. въ Прагѣ въ 1850—1851,—въ сборникѣ Libuša, jahrgang für 1852, herausg. von P. A Klar. Отдѣльно вышло, als manuskript gedruckt: Václav Hanka, nach seinem slawistischen Wirken, seinen Schriften und seinem Privatleben geschildert durch Dr. Legis Glückselig. Prag 1852

Что̀ за причина такого общенароднаго участія? Многимъ это, можетъ быть, останется навсегда непонятно. Понять впрочемъ не трудно.

—

Возрожденіе Чешскаго народа, какъ народа, есть событіе, правда, еще не поконченное, еще совершающееся, но уже событіе, имѣющее право на мѣсто въ лѣтописяхъ Европы, тѣмъ болѣе важное, что оно повело за собою другія подобныя событія въ разныхъ другихъ земляхъ Славянскихъ. Это дѣйствительно — возрожденіе народа, возрожденіе въ немъ чувства народной своебытности, возрожденіе силъ къ сохраненію и развитію своей народности, пробужденіе народа отъ нравственнаго сна къ нравственной дѣятельности, отъ омертвѣнія къ жизни. Для Чеховъ оно дѣйствительно совершилось, хоть еще и не вполнѣ. на Чеховъ уже не глядятъ какъ на массу неизвѣстнаго происхожденія, населяющихъ сѣверо западную часть Австрійской имперіи, а какъ на особенный народъ, на одинъ изъ народовъ Славянскихъ.

Не такъ было не только за полвѣка передъ этимъ, но и позже, когда и сами они не могли сознательно сказать, что̀ они такое. Правда, и тогда Чехи были тѣми же Чехами, не только по деревнямъ, но отъ части и въ городахъ говорили про себя по Чешски, учились Чешской грамотѣ и по Чешски молились Богу; но только мужику Чеху и позволяло общественное приличіе оставаться Чехомъ: отъ Чеха, поднимавшагося по ступенямъ образованности и даже только зажиточности, это общественное приличіе требовало отреченія отъ роднаго языка, усвоенія языка совершенно чужаго, Нѣмецкаго, и вмѣстѣ съ языкомъ, при воспитаніи, и понятій и путеводныхъ правилъ жизни. Чехи, образуясь, отрекались отъ народа, перерождалась въ иностранцевъ даже во враговъ своему народу. Нельзя сказать, чтобы это перерожденіе для всѣхъ одинаково было нравственнымъ паденіемъ; но

все таки на нравственность многихъ оно дѣйствовало гибельно, передѣлывая ихъ въ проходимцевъ, для которыхъ все ни почемъ, которые всѣмъ готовы жертвовать изъ за мелочныхъ выгодъ себялюбія и своекорыстія, Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ оставался безъ подпоры въ образованіи, безъ училищъ, кромѣ школъ грамотности, безъ литературы,—и отставалъ все болѣе: вокругъ него образованность распространялась, а онъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и въ бѣдности. Подпоры на пути впередъ народъ всегда, хоть и безсознательно, ожидаетъ отъ тѣхъ изъ своихъ людей которые крѣпче остальныхъ силами духа, которымъ по этому легче принимать участіе въ успѣхахъ знанія и мысли и въ ихъ приложеніяхъ къ жизни. Такихъ людей у Чеховъ почти не было, потому что почти всѣ, которые получали образованіе, развивали свои силы не для своего народа, или совсѣмъ отъ него отрѣкаясь, или по крайней мѣрѣ отдѣляясь отъ него въ особый кругъ, чуждый народу и по жизни, и по языку. Изъ Чеховъ выходили во множествѣ ученые, писатели, художники; а Чехи все таки оставались безъ науки, безъ литературы, безъ художественнаго развитія. И это стало такъ обыкновено, такъ естественно, что многимъ казалось, будто такъ и должно быть.

Окончательное паденіе народности Чешскаго народа, когда-то, въ XIV—XVII в. славнаго своею высокою образованностью, было ожидаемо, какъ событіе, рѣшенное судьбою. И оно, вѣроятно, совершилось бы ни для кого незамѣтно, если бы не явились люди, умѣвшіе честно соединить обязанности гражданъ Австрійской имперіи съ обязанностями сыновъ родной отчизны, и мирно, тихо, вѣрнымъ путемъ повести народъ къ нравственному оживленію, къ такому оживленію, которое и самому правительству Австрійскому должно было давать все болѣе силъ для развитія благосостоянія имперіи, умножая число образованныхъ и честныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. Вотъ въ какомъ положеніи застали свой народъ тѣ немногіе, ко-

торымъ суждено было, пробудя сознаніе народности въ самихъ себѣ, пробудить его и вокругъ себя такъ счастливо, что то же общественное приличіе, которое прежде насмѣхалось надъ народностью, начало мало по малу стоять за него, за народную образованность, за народную честь.

Въ числѣ немногихъ, принявшихъ, на первыхъ порахъ, участіе въ нравственномъ оживленіи Чешскаго народа былъ Ганка. Труды его, всѣ его дѣйствія, вся его жизнь съ этой стороны представляются въ живомъ свѣтѣ. Каждое движеніе его ума и чувства было направлено къ одной и той же жизненной цѣли, и выражалось дѣйствіемъ, такъ или иначе ее достигавшимъ.

—

Медленно шло умственное развитіе Ганки въ юности, но онъ пришелъ въ Прагу уже съ зачатками того направленія, которое осталось за нимъ на всю жизнь и дало ему высокое значеніе народнаго дѣятеля. Любить все Чешское и все доброе научила его съ младенчества мать: не напрасно вспоминалъ онъ о ней и въ старости съ тѣмъ-же чувствомъ, которое дышетъ въ его юношеской пѣснѣ, сдѣлавшейся теперь народною *). За неимѣніемъ книгъ при-

---

*) Вотъ эта пѣсня, замѣчательная между прочимъ и потому, что въ ней выдержанъ Великорусскій складъ:

Porodila mne	Родила меня
moje matička,	моя матушка,
porodila mne	родила меня
v krásné vesny den,	въ ясный вешній день,
v krásný jarní den	въ ясный вешній день
v zeleném sadě,	въ зеленомъ саду
v zelenem sadě	въ зеленомъ саду,
mezi rožemi,	между розами,
mezi rožemi	между розами
plnokvětnými.	въ цвѣтъ залитыми.
Zahovořila	И такъ молвила
moje matička:	моя матушка:
Gdy bych věděla,	Когда бъ знала я,

шлось Ганкѣ учиться читать и писать по старой рукописи, случайно попавшейся матери на рынкѣ, по той же старой рукописи, не XVII такъ XVI вѣка, развивать и свой умъ для наступавшаго XIX вѣка: къ счастію эта рукопись не могла научить ничему отсталому, потому что въ ней записаны были Чешскія народныя пѣсни. Эта старая рукопись, передавъ ему тотъ странный почеркъ руки, по которому его узнавали послѣ всѣ и всюду, внушила ему уваженіе и любовь къ народности и къ родной старинѣ. Знакомство съ Русскими и Сербскими солдатами, проведшими нѣсколько времени на его родинѣ и съ промышленниками, заходившими на его родину изъ другихъ Славянскихъ краевъ, пробудило въ немъ сознаніе народности и вмѣстѣ сочувствіе ко всему Славянскому, какъ къ кровному родному. Разсказывая мнѣ когда-то о томъ, какое впечатлѣніе произвело на него это знакомство съ нѣсколькими Русскими и первое ознакомленіе съ Русскимъ языкомъ, Ганка замѣтилъ съ оживленіемъ *): «Я полюбилъ

---

moje robátko,	мое дитятко,
že s tebe bude	что изъ тебя будетъ
věrny, zdarny Čech,	вѣрный, добрый Чехъ,
ovínula bych	обвила бы я
tebe rózemi	тебя розами,
tebe rózemi	тебя розами
libovonnymi.	благовонными.
Gdy bych věděla,	Когда бъ знала я,
malé robátko,	мое дитятко,
že s tebe bude	что изъ тебя будетъ
lichý, zradný Čech;	злой, невѣрный Чехъ,
opletla bych tě	оплела бъ тебя
krutou rohoží	я рогожкою,
s krutou rohoží,	съ той рогожкой
v trní hodila.	въ тернье бросила.

**) Въ біографіяхъ Ганки говорится только о знакомствѣ Ганки съ Русинами Галицкими, но отъ него самого я слышалъ о солдатахъ Русскихъ, изъ Россіи, и о раннемъ ознакомленіи съ Русскимъ языкомъ тѣмъ самымъ, какимъ онъ говорилъ, а не съ Русинскимъ.

Русскихъ и за ихъ доброту, и за то, что легко могъ понимать ихъ—не такъ какъ солдатъ Нѣмецкихъ; но въ то же время не въ одномъ мнѣ зародилось какое-то чувство зависти къ вамъ Русскимъ, которое послѣ въ Прагѣ еще болѣе развилось. «Вотъ они, Русскіе — думали себѣ мы, юноши, слыша о вашихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Наполеономъ — стоятъ сами за себя, заставляютъ себя уважать и бояться; а насъ, Чеховъ, будто и на свѣтѣ нѣтъ. У нихъ Русскихъ, все свое; а у насъ когда-то все было, и давно уже нѣтъ. Почему же нѣтъ, когда было; почему не быть, какъ было»! 1812 годъ и потомъ 1815 произвели на насъ такое впечатлѣніе, какого послѣ не производило уже ни одно событіе.» Кружокъ, въ который попалъ Ганка въ Прагѣ, закрѣпилъ въ немъ его чувства и мысли. Онъ сблизился тамъ съ аббатомъ Добровскимъ, однимъ изъ представителей филолого-археологической учености своего времени, основателемъ обще-Славянской филологіи какъ науки, и сколько съ своей стороны старался быть ему полезнымъ, работая для него по его назначенію, столько же и пользовался имъ его ученостью, его умѣньемъ работать, его библіотекой, его рукописями. Мало было ему нужды до того, что Добровскій любилъ науку отвлеченно, науку самое по себѣ, а не какъ народную силу, и потому писалъ по Латыни и по Нѣмецки, рѣдко и говорилъ по Чешски, о возможности литературы Чешской не хотѣлъ и думать, какъ о мечтѣ несбыточной: это не мѣшало Ганкѣ быть послушнымъ и почтительнымъ ученикомъ Добровскаго, и остаться при своихъ понятіяхъ. Умѣлъ онъ, разумѣется, пользоваться, чѣмъ стоило, и у профессоровъ университета: слушая впрочемъ курсы юридическіе, долженъ былъ учиться болѣе тому, что оказалось ему послѣ ненужнымъ, да и вообще могъ слышать съ иныхъ каѳедръ не то, что хотѣлось бы ему слышать, не доказательства его убѣжденій, а мысли противоположныя, не тѣ, которыя оживляли Пухмаера,

братьевъ Нѣдлыхъ, братьевъ Юнгмановъ, Свободу, Пуркиню и друг.

Частью подъ вліяніемъ другихъ, частью собственными своими силами, и съ начала, вѣроятно, какъ до мечты, а не какъ до вывода сознательнаго размышленія, дошелъ Ганка до мысли о томъ, какъ жизненно важны памятники прошедшей жизни народа, какъ необходимо привлекать къ нимъ народное вниманіе и уваженіе, чтобы возбуждать въ народѣ силы къ новой жизни. Этою мыслію онъ указывалъ на дѣйствительный недугъ Чеховъ того времени. Народъ не признающій своего прошлаго, не признаетъ и своего будущаго, а Чехи, подчиняясь общественному приличію переживаемаго дня такъ же, какъ требованіямъ ежедневныхъ физическихъ потребностей, или же только этимъ послѣднимъ, почти было отдѣлились отъ своего прошлаго, взглядывали на него только какъ на забавную сказку, или же чернымъ глазомъ, не ища въ немъ ни утѣшенія, ни поученія, даже и просто знать его не хотѣли или не могли. Книгъ историческихъ, въ которыхъ говорилось Чехамъ объ ихъ прошломъ, выходило мало, да и тѣ мало читались; гораздо занимательнѣе и важнѣе казались чужія дѣла — тѣмъ болѣе, что и въ самомъ дѣлѣ рядъ событій конца XVIII-го и начала XIX вѣка не могъ не производить на современниковъ впечатлѣніе сильное, неотклонимое. Даже и пѣсня народная перестала навѣвать на Чеховъ думу объ ихъ быломъ: въ ней уже не звучали преданія родной старины; въ солдатскихъ былевыхъ пѣсняхъ воспѣвались герои народу неизвѣстные, чужіе. Памятники старины и древности или были заброшены, или, и оставаясь на виду, не привлекали къ себѣ ни чьего вниманія. На сколько думали о прошломъ, на столько занимались и будущимъ. Указать Чехамъ на все то, что имъ осталось на память о прошломъ, заставить уважать эти остатки, возбудить ими любовь къ прошлому казалось Ганкѣ средствомъ необходимымъ для оживленія Чеховъ къ жизни новой. Такъ думалъ онъ, сначала,

можетъ быть, только мечтая; но мечта его сдѣлалась задачею всей его жизни, и не напрасно. — Съ этою мыслію слилась въ умѣ его и другая: ему казалось также необходимымъ пробудить въ Чехахъ сознаніе, что они народъ не самъ по себѣ, а часть великаго народа Славянскаго, народа славнаго и сильнаго, и что въ этой общей славѣ и силѣ должна и Чехамъ принадлежать своя доля, какъ было когда-то, что имъ нужно общеніе съ другими Славянами, духовное сближеніе, вмѣсто той оторванности отъ соплеменниковъ, къ которой привели ихъ обстоятельства. Не напрасно взлелѣялъ онъ въ себѣ и это убѣжденіе.

—

Изучать отечественныя древности всякаго рода, отыскивать ихъ, внушать всякому чувство уваженія къ нимъ и обязанность ихъ сбереженія, описывать ихъ и издавать такъ, чтобы они становились все болѣе извѣстными и понятными по значенію, привлекать и приготовлять къ этой работѣ силы молодыхъ людей: вотъ что задалъ себѣ Ганка на жизненную работу, задалъ еще прежде чѣмъ окончилъ университетскій курсъ, и при этомъ рѣшеніи остался навсегда. Не пересчитывая здѣсь всѣхъ его открытій и всѣхъ его изданій памятниковъ (что будетъ умѣстнѣе въ особомъ библіографическомъ обозрѣніи), скажу только, что отъ его зоркаго взгляда не могло ничто укрыться ни у скупателя старыхъ вещей, ни въ сору стараго хлама, ни въ переплетѣ старой книги, и что большая часть памятниковъ древней Чешской литературы въ первый разъ изданы имъ или при его содѣйствіи. Ихъ оказалось слишкомъ довольно, чтобы понять богатство и разнообразіе литературной производительности Чеховъ и въ древній періодъ до Гуса, и тѣмъ болѣе въ слѣдующіе вѣка. Многія изъ произведеній XV и XVI вѣка издать было невозможно; не годились они для печати — одни по рѣзкости выраженій противъ Нѣмцевъ, другіе по антикатолическому направленію. Долго нельзя было печатать даже нравствен-

ныхъ сочиненій только потому, что они были произведенія протестантовъ, особенно такихъ какъ Гусъ, Коменскій и имъ подобные. Многія сочиненія Гуса остаются и до сихъ поръ не напечатанными. Надобно было держаться въ границахъ строгой осторожности, чтобы не повредить дѣлу, и что не подходило подъ условія печати, только тщательно собирать и сохранять. И по этой и по многимъ другимъ причинамъ дѣятельность Ганки въ отношеніи къ древнимъ и стариннымъ памятникамъ Чешскимъ теперь видна только отчасти: очень многія указанія скрываются въ его обширной перепискѣ. Я знакомъ только съ частію этой переписки; но и по случайно пересмотрѣнной части писемъ, имъ полученныхъ изъ разныхъ краевъ, не могу не заключать, что едва ли кто изъ Чеховъ, кромѣ развѣ Палацкаго, не только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ но и позже, когда явились новые, свѣжіе силами сподвижники на поприщѣ, избранномъ Ганкой, обращали такое всестороннее вниманіе на все, что касается древностей Чешскихъ, такъ сильно возбуждалъ уваженіе къ нимъ и охоту заниматься ими. Не разъ мнѣ случалось такъ же, когда вновь находили что нибудь затерянное древнее или старинное, почему нибудь замѣчательное, слышать далеко отъ Ганки восклицаніе: «Вотъ бы порадовался Ганка!»

Не менѣе сильнымъ орудіемъ былъ Ганка своей службой въ Народномъ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ. Ганка былъ въ числѣ тѣхъ, которые подали правительству просьбу о дозволеніи устроить этотъ музей, и избранъ былъ хранителемъ древностей и книгъ при самомъ началѣ его образованія, еще прежде чѣмъ получено было дозволеніе на его открытіе. Онъ избранъ былъ, конечно, потому что никого не прельщало такое незавидное мѣсто, не обѣщавшее ни хорошаго жалованья, ни жизненныхъ успѣховъ впереди. Кстати сказать: Народный музей въ Прагѣ въ то время никакъ не представлялся никому, кромѣ истыхъ Чеховъ (между ними были впрочемъ и вельможи), хранилищемъ

чисто Чешскимъ, важнымъ для Чешской народности. При учрежденіи этого музея были въ виду, кромѣ произведеній мѣстной природы, не столько памятники Чешской древности и литературы, сколько памятники «Богемскіе», т. е. области Богеміи, безъ особеннаго отличенія народностей. Даже и повременникъ, издававшійся обществомъ учрежденнымъ при этомъ музеѣ, до 1827 года выходилъ только на Нѣмецкомъ языкѣ. Получи мѣста хранителей этого музея не такіе Чехи, какъ Ганка и Пресль (по отдѣлу природознанія), кто знаетъ, все Чешское могло быть въ немъ заброшено и остаться никому неизвѣстнымъ. Чешскій характеръ выдержали за нимъ Ганка съ Преслемъ, дѣйствуя и тутъ какъ вездѣ, тихо, непримѣтно, понемногу, никого и ничего не задѣвая, тѣмъ менѣе выставляя себя. Другой на мѣстѣ Ганки и не остался бы при музеѣ надолго, сумѣлъ бы скоро найти себѣ мѣсто болѣе доходное и выгодное, а Ганкѣ было это не трудно при обширномъ его знакомствѣ, если бы только онъ захотѣлъ оставить родину; но для Ганки музей былъ святыней, и Ганка остался въ музеѣ навсегда, слишкомъ на 40 лѣтъ. Онъ сдѣлалъ его святыней и для всѣхъ Чеховъ. И стоило поглядѣть на Ганку, какъ онъ показывалъ его своимъ соотчичамъ, какъ указывалъ на все, что могло питать въ Чехѣ любовь къ родной землѣ, уваженіе и сочувствіе къ своей народности и къ прошедшему: онъ не приходилъ въ восторгъ, не поражалъ ни наборомъ красныхъ словъ ни вольнодумными выходками, оставался тихъ и скроменъ, какъ будто удовлетворяя любопытству, уже возбужденному, а не вызывая его, и между тѣмъ умѣлъ въ душѣ вызывать чувства—такъ что ни одинъ Чехъ не выходилъ изъ музея не оживленный новымъ запасомъ нравственныхъ силъ. Можно себѣ представить, съ какой любовью онъ содѣйствовалъ занятіямъ тѣхъ, которые хотѣли работать въ музеѣ. И эта любовь была дѣятельная: онъ не только привелъ въ стройный порядокъ древности и библіотеку му-

зея, не только составилъ всему систематическія описи и указатели, но для пользованія напр. библіотекой приготовилъ такой справочный указатель, въ которомъ означены даже статьи газетъ, относящіяся къ каждому изъ вопросовъ, важныхъ для Чешскаго археолога, историка, литератора. Не говорю уже о томъ, сколько вещей и книгъ, ему лично подаренныхъ, записаны имъ были въ собственность музея отъ имени лицъ, ему подарившихъ. Ганка домогался только обогащать музей: если что нужно было въ музеѣ, онъ не удерживалъ за собой, несъ въ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ чемъ, что было въ музеѣ, самъ не нуждался, съ радостью дарилъ или мѣнялъ на то, что годилось музею. Онъ слилъ себя съ музеемъ такъ, что теперь будетъ вѣроятно не мало хлопотъ, чтобы отдѣлить, что принадлежитъ ему, а не музею, если только это будетъ нужно.

Не быстро прозябаетъ и вырастаетъ сѣмя долголѣтняго дерева; не быстро прозябало и сѣмя, посѣянное Ганкой; но оно взошло и растетъ: Чехи окрѣпли въ любви и уваженіи къ своей древности и старинѣ, и стали заниматься ею все съ бо̀льшимъ рвеніемъ. Конечно, не могло бы быть такого успѣха, если бы Ганка дѣйствовалъ самъ одинъ, если бы онъ не былъ поддержанъ на первыхъ порахъ Добровскимъ и если бы съ нимъ вмѣстѣ не трудились такіе дѣятели, какъ Юнгманъ, Палацкій, Челяковскій, Шафарикъ, а потомъ и другіе; но многаго не было бы, еслибъ не было Ганки. Ни въ комъ изъ этихъ благородныхъ сподвижниковъ, не было такой простоты нрава, такой мирной доступности и простодушной обязательности, такого непринужденнаго братскаго сочувствія ко всякому соотчичу, кто бы онъ ни былъ, какъ у Ганки, и по этому едва ли кто могъ бы дѣйствовать на мѣстѣ Ганки такъ же благодѣтельно. Другіе были выше его ученостью, вкусомъ, силой характера, а онъ былъ выше другихъ добротой, услужливостью, сближаемостью,

и вмѣстѣ съ тѣмъ силенъ любовію къ родной древности и народности и ихъ знаніемъ.

—

При постоянномъ увлеченіи мыслію о духовномъ оживленіи своего народа Ганка не могъ безъ сомнѣнія не принимать близко къ сердцу всего, что хоть сколько-нибудь выражало или вызывало это оживленіе. Каждое новое замѣчательное произведеніе литературы, каждая хоть бы малая поддержка Чешскаго языка, каждая новая попытка улучшить народный театръ въ Прагѣ или завести театральныя представленія гдѣ-нибудь въ городкѣ или въ мѣстечкѣ Чешскомъ и Моравскомъ, каждый народный балъ, каждый новый успѣхъ Чешской музыки, радовалъ его какъ дитя. Не все онъ хвалилъ, о многомъ горевалъ, но всегда искалъ хорошей стороны и, ничѣмъ роднымъ не презирая, за все хорошее стоялъ словомъ и дѣломъ. Не стану пересчитывать предпріятій, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе; но не могу хоть вскользь не замѣтить, что, трудясь безпрерывно, онъ готовъ былъ каждому помогать въ трудѣ матеріяломъ, имъ собраннымъ, часто очень обширнымъ. Такъ помогъ онъ Юнгману въ его огромномъ Чешскомъ словарѣ, Челяковскому въ сборникѣ пѣсенъ Славянскихъ народовъ, Махачку въ Литературной лѣтописи, Мацѣевскому въ Исторіи Славянскихъ законодательствъ, Шумавскому въ обще-Славянскомъ словарѣ, Разуму въ его Старо-Чешской библіотекѣ и т. д. Множество молодыхъ людей было направлено имъ на дорогу—одни кроткими совѣтами, другіе ходатайствомъ за ихъ способности. Ганка велъ свое дѣло не какими нибудь тайными путями, а открыто, простодушно, но, конечно, осторожно. И открытость и осторожность дѣйствій были тѣмъ болѣе необходимы, чѣмъ менѣе было надежды, что руководительная мысль будетъ понята и истолкована не худо. Очень понятно, что дѣйствія Ганки не оставались безъ вліянія, иногда очень важнаго, и въ продолженіе постоян-

наго сорокалѣтняго его служенія отчизнѣ привело къ счастливымъ исходамъ.

Все, что могло, подымалось, оживлялось, сильнѣло. Съ каждымъ годомъ выходили новые сподвижники, умножавшіе своею дѣятельностью число средствъ для поддержанія начатковъ народной образованности, и расширяли постепенно кругъ дѣятельности, сильнѣя и требовательностью къ самимъ себѣ. Духъ народа становился довѣрчивѣе къ своей народности, а общественное приличіе все вѣжливѣе, все наклоннѣе къ признанію его назначенія. Впереди остается еще многое; но на многое уже добрый Чехъ можетъ взглянуть съ радостью и надеждой и безъ отчаянія сравнить общественную образованность своего народа съ общественною образованностью другихъ народовъ такой же величины. Чтобы представить хоть какое-нибудь доказательство, напомню, что любовь къ чтенію и любознательность распространились у Чеховъ такъ, что ни одно изданіе сколько-нибудь соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ не можетъ залежаться въ книжныхъ лавкахъ, которыя теперь также какъ и типографіи, содержатся уже и въ малыхъ городахъ. Изданія общеважныя раскупаются тысячами: такъ на Научный словарь, начатый за годъ передъ этимъ, явилось уже болѣе 5,000 подписчиковъ; лучшія газеты расходятся въ такомъ же и большемъ числѣ оттисковъ... Смѣли ли Чехи надѣяться, что со временемъ дойдетъ до этого, когда начинали свое дѣло, когда сотня другая распроданныхъ экземпляровъ казалась дивомъ, тогда какъ теперь не диво библіотечка въ сотню книгъ у простаго селянина. Правда, что дворянство и очень многіе изъ чиновниковъ и зажиточныхъ купцовъ читаютъ книги не Чешскія, а Нѣмецкія; но тѣмъ важнѣе значеніе успѣховъ литературы Чешской: оно народно.

Выставляя это на видъ, я не думаю выставлять Ганку главнымъ орудіемъ успѣха Чешскаго народа: признаю и силу духа времени, и значеніе вызванныхъ имъ распоряженій пра-

вительства въ пользу народнаго образованія, и заслуги всѣхъ Чешскихъ писателей; тѣмъ не менѣе увѣренъ, что и дѣятельность Ганки, особенно съ начала, когда и трудиться было труднѣе, и трудящихся было мало, была необходима для успѣха. Тѣмъ это мнѣ легче и отраднѣе сказать, что отъ самого Ганки я никогда не слыхалъ ни малѣйшаго вызова на похвалу себѣ, а только постоянныя похвалы другимъ.

—

Съ любовью къ своему Чешскому народу въ душѣ Ганки жила такая же чистая любовь къ Славянству вообще: для него всѣ Славяне были дѣти одной отчизны, всѣ Славянскіе народы одинъ народъ, и всякій Славянинъ былъ ему братомъ. Это знаютъ всѣ тѣ Славяне, которые съ нимъ сближались. Каждый изъ нихъ, кто бы онъ ни былъ, принятъ былъ имъ какъ близкій сердцу — такъ же, какъ близко къ сердцу принимаемы были имъ и всѣ событія, отъ которыхъ можно было ожидать добра или недобра для того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. То и другое выражалось въ немъ не только словомъ, но и самымъ дѣломъ. Для каждаго Славянина онъ былъ безкорыстно обязательнымъ помощникомъ, а если было нужно и возможно, то и защитникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ долгомъ принять посильно дѣятельное участіе въ каждомъ Славянскомъ предпріятіи.

Въ числѣ обще-Славянскихъ мыслей, пущенныхъ имъ въ ходъ, была и мысль объ учрежденіи университетскихъ каѳедръ Славянской филологіи и исторіи. Это его дитя, его мечта съ молодости. Онъ высказывалъ ее еще въ 20-хъ годахъ, и потомъ нерѣдко повторялъ ее въ письмахъ. Мысль Ганки казалась въ началѣ даже дикою — и въ Россіи и въ Австріи, не только въ другихъ земляхъ Европы, и потому не разомъ могла быть осуществлена. Не изъ своекорыстныхъ видовъ онъ ждалъ открытія каѳедръ Славянскихъ, какъ знаютъ, между прочимъ, тѣ Русскіе, кото-

рые занимались изученіемъ Славянства въ Прагѣ при его содѣйствіи. Грустно ему было, что многое мѣшало осуществленію его мысли въ Австріи, гдѣ она, казалось бы, должна была привиться всего скорѣе; но и тутъ онъ столько же былъ безкорыстенъ. На Славянскую каѳедру въ Прагѣ онъ прочилъ въ мечтѣ своей не себя, а Шафарика. Самъ отъ себя онъ требовалъ только старанія замѣнить, по возможности, отсутствіе этой каѳедры: зная многія Славянскія нарѣчія, онъ училъ имъ безмездно молодыхъ людей, читалъ, также безмездно, лекціи въ университетѣ, издавалъ учебныя пособія и раздавалъ бѣднымъ даромъ старался добывать для раздачи книги на разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Особенно любилъ онъ насъ Русскихъ, любилъ Русскій языкъ, считалъ его особенно важнымъ, срединнымъ, живительнымъ для всѣхъ Славянъ, и всячески старался пріохотить къ нему не только Чеховъ но и другихъ Славянъ. Преимущественно слѣдствіемъ его внушеній и содѣйствій можно считать нынѣшнее стараніе Чеховъ изучать Русскій языкъ. Такъ, за двадцать лѣтъ передъ этимъ, Русскій въ Прагѣ могъ говорить на родномъ языкѣ только съ Ганкой и еще съ Челяковскимъ, понимавшимъ по-Русски очень хорошо, но говорившимъ еще не бойко; а теперь читаютъ и говорятъ по-Русски нетолько нѣкоторые ученые и литераторы, но и дамы, дѣвушки, даже дѣти, и не только въ Прагѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ ученыхъ Чеховъ, вызванныхъ недавно для занятія одной изъ медицинскихъ каѳедръ въ Харьковскомъ университетѣ (при благородномъ содѣйствіи Слависта И. А. Л.), такъ говоритъ по Русски, что не стыдясь передъ своими Русскими слушателями, можетъ начать свое преподаваніе прямо по-Русски. Видалъ я и письма Чешскихъ дѣтей, написанныя къ Русскимъ дѣтямъ по Русски. Въ послѣднее время Ганка былъ уже не единственнымъ проводникомъ ознакомленія Чеховъ съ Русскими и не единственнымъ источникомъ для до-

бываніа Русскихъ книгъ, не единственнымъ руководителемъ при изученіи Русскаго языка; но въ прежнее время все выходило отъ него: только у него и черезъ него въ музеѣ были Русскія книги, только онъ снабжалъ ими другихъ, только онъ и по его просьбамъ заѣзжіе Русскіе учили Чеховъ нашему языку. И кто видѣлъ Ганку, когда онъ могъ найти для Чеховъ случай услышать отъ Русскаго Русскіе звуки, тотъ знаетъ, что̀ это за радость была для него.

Какое чувство управляло имъ въ сближеніи съ соплеменниками, это ясно высказалось въ его памятныхъ книжкахъ, гдѣ каждому Славянину было готово мѣсто для написанія того, что̀ онъ думалъ. Иные высказывали только свои личныя чувства къ Ганкѣ; но въ бо̀льшей части записокъ выразилась мысль о нравственномъ и умственномъ сближеніи Славянъ между собою, что вылилось звучными стихами нашего поэта, имъ самимъ записанными въ одной изъ этихъ книжекъ (6-го сентября 1851 г.):

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора ль очнуться намъ
и простерть другъ другу руки
къ нашимъ кровнымъ и друзьямъ!
Вѣки мы слѣпцами были
и, какъ жалкіе слѣпцы,
мы блуждали, мы бродили,
разбрелись во всѣ концы.
А случалось ли порою
намъ столкнуться какъ-нибудь —
кровь не разъ лилась рѣкою,
мечь терзалъ родную грудь.
И вражды безумной сѣмя
плодъ сторичный принесло:
не одно погибло племя
иль въ чужбину отошло
Иновѣрецъ, иноземецъ
насъ раздвинулъ, разломилъ, —
тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ
этихъ Турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной
здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
доблій мужь рукою скромной
засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О какими вдругъ лучами
озарились всѣ края!
обличилась передъ нами
вся Славянская земля.
Горы, степи и поморья
день чудесный облисталъ —
отъ Невы до Черногорья,
отъ Карпатовъ за Уралъ.
Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
и съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.
И роднаго слова звуки
вновь понятны стали намъ.
На яву увидятъ внуки
то, что̀ снилося отцамъ.

Въ другой такой же книжкѣ, за 20 лѣтъ до Тютчева 14-го сентября 1822 года) написалъ поэтъ Польскій:

Dokonywaj coś zaczął. Z skutków twojej pracy
Lepsze kiedyś nadzieje powezmą Slowacy.
My nie tracim, potomność pewnie na tém zyska,
Jeśli jak bliska mowa, dusza będzie bliska.

(Оканчивай что̀ началъ. Дѣломъ твоего труда укрѣпятъ въ себѣ когда-нибудь Славяне лучшія надежды. Мы ничего не тратимъ, а внуки вѣрно выиграютъ, когда такъ-же, какъ нашь языкъ, будутъ близки и наши сердца̀).

Еще ранѣе (14 октября 1820 года) одинъ изъ Чешскихъ писателей (духовнаго званія) А. Марекъ написалъ Ганкѣ:

Dostoj, byť valný času proud Čecha k utonu chvátil,
Všehda nepokosenou Slávie své oporou.

(Останься навсегда твердою опорой своего Славянства, хотя бы тяжелый потокъ времени захватилъ и Чеха на погибель).

Чехи, конечно, не забудутъ, что Славянское чувство, постоянно оживлявшее Ганку, ложилось на многихъ Славянъ возбудительнымъ впечатлѣніемъ не только въ пользу общаго Славянскаго сближенія, но непосредственно въ пользу самихъ Чеховъ. Своимъ обще-Славянскимъ чувствомъ Ганка умѣлъ привлекать вниманіе всѣхъ Славянъ ко всему доброму Чешскому, и потомъ ихъ возбужденіемъ дѣйствовать на Чеховъ, пользуясь имъ какъ ободреніемъ, для поддержки ихъ рвенія. Ганка старался знакомить Славянъ съ писателями и художниками Чешскими, съ произведеніями литературы, съ театромъ, съ училищами, со всѣмъ, что̀ стоило поддержать вниманіемъ.

Впрочемъ это обще-Славянское чувство оживлявшее Ганку едва ли не болѣе, чѣмъ кого другаго, было орудіемъ полезнымъ не для однихъ Чеховъ. Чехи, какъ передовой изъ Славянскихъ народовъ Австрійской имперіи, на пути новаго оживленія, невольно вызывали соревнованіе во всѣхъ другихъ — не только въ Австрійской имперіи, но и внѣ ея границъ, — и Ганка, сколько могъ, старался поддерживать это соревнованіе. Знаю это отчасти потому, что онъ писалъ ко мнѣ. Такъ, посылая Чешскую грамматику Гатталы, въ самомъ дѣлѣ замѣчательную, онъ мнѣ указалъ на нее, какъ на образецъ, по которому слѣдовало бы кому нибудь изъ Русскихъ написать Русскую грамматику. При извѣстіи о началѣ Научнаго словаря, издаваемаго Ригеромъ, онъ приложилъ записочку съ выраженіемъ желанія, чтобы и у насъ затѣялось такое же доброе дѣло въ пользу народнаго образованія. При свиданіи со мною прошлымъ лѣтомъ, онъ на первыхъ же порахъ указалъ на тѣ послѣднія явленія Чешской литературы, которыя находилъ онъ достойнымъ подражанія, и между прочимъ вспомнилъ о педагогическихъ работахъ Рѣзача, о его повременникѣ «Училище и жизнь», о его Учительскомъ календарѣ и т. д Всѣ эти похвалы произведеніямъ Чеховъ были вовсе не слѣдствіемъ хвастливости, которою вообще Чехи вовсе

не отличаются, или исключительно патріотизма, радости его, какъ Чеха, что есть ему что̀ показать, какъ доказательство успѣховъ его народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдствіемъ желанія, чтобы и другіе Славяне поднимались въ томъ, въ чемъ еще надобно имъ подняться. Къ стати замѣтить, что Ганка многимъ содѣйствовалъ къ пробужденію въ Россіи Славянскаго чувства и правильнаго взгляда на Славянъ: не забудемъ, что имъ присланы въ Россію сотни сотень книгъ Чешскихъ и другихъ Славянскихъ и сотни сотень писемъ.

Его Славянскія чувства не мѣшали ему впрочемъ находить и уважать все хорошее и не въ Славянахъ, между прочимъ, помогать ученымъ Нѣмцамъ въ ихъ трудахъ: его радушная услужливость и уваженіе талантовъ не знали границъ, назначаемыхъ предубѣжденіемъ. Онъ радъ былъ уважать всѣхъ, кто, не мѣшая оставаться Чеху Чехомъ и Славянину Славяниномъ, жилъ для своего народа и для науки или искуства.

—

Подъ конецъ жизни Ганкѣ, казалось, не могло остать ничего, кромѣ радости: видя выполненіе мечтаній и надеждъ юности, постепенное возрастаніе силъ своего народа и развитіе кругомъ себя и вдали Славянскаго чувства, Ганка могъ бы только радоваться; но не такъ случилось.

Онъ испыталъ и горе, превратившееся въ болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ. Что всѣ его поступки были чисты, нравственны, въ этомъ, конечно не усумнится никто изъ людей его знавшихъ, а знали его очень многіе; но не такъ глядѣли на него тѣ, которые считали себя въ правѣ видѣть въ любви Чеховъ къ своему родному и Славянъ къ другимъ Славянамъ что-то недоброе. Ганка зная и свою чистоту мысли, и чистоту мысли своихъ сподвижниковъ, Югмана, Палацкаго, Шафарика, Колара, Штура и другихъ обвиняемыхъ, простодушно улыбался глядя на поднявшуюся трево-

гу взаимнаго пуганья, и оставался чѣмъ былъ. Взаимное пуганье себя Славянствомъ въ кругахъ людей, нелюбившихъ Славянъ, наконецъ наскучило; но не всѣмъ. Оставшіеся въ перепугѣ искали средствъ обвинять главныхъ защитниковъ Славянской мысли по одиночкѣ лично. На долю Ганки выпали обвиненія въ литературныхъ подлогахъ. «Большая часть древнихъ памятниковъ Чешской литературы (которыхъ открытіе и обнародованіе, конечно, содѣйствовало народному оживленію Чеховъ) изобрѣтены Ганкой»: на эту тему стали кричать все сильнѣе и въ повременникахъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, доказывая справедливость своихъ догадокъ бранями и такими доводами, которые хотя и были лишены всякаго ученаго достоинства, но на людей неученыхъ и довѣрчивыхъ могли производить впечатлѣніе. Ганка терпѣлъ долго, и наконецъ въ позапрошломъ году началъ процессъ съ однимъ изъ обвинителей, которые тѣмъ дерзче въ обвиненіи, чѣмъ болѣе увѣрены, что найдутъ себѣ стѣну, за которой могутъ укрыться. Процессъ прошелъ три инстанціи, во всѣхъ трехъ выигранъ, и все таки ни ложный обвинитель не обвиненъ, ни Ганка не оправданъ открыто; а обвиненія между тѣмъ вмѣстѣ съ бранями сыпались и сыплются. За тревогой душевной, которую трудно было Ганкѣ перенести въ лѣтахъ старчества, слѣдовала болѣзнь — одна, другая. Ослабленный силами тѣла онъ сталъ принимать слишкомъ близко къ сердцу и мелочныя радости и горести, слабѣлъ все болѣе, но крѣпился, — и наконецъ слегши чуть ли не первый разъ въ жизни, черезъ двѣнадцать дней скончался. Выиграли ли что нибудь нравственно обвинители Ганки, это показало его погребеніе, въ которомъ приняла участіе пятая доля всей Праги, приняла бы, если бъ могла, пятая доля всего Чешскато народа; но тѣмъ не менѣе Ганки ужъ нѣтъ. «Есть и безъ меня много, много такихъ же какъ я и лучше меня», сказалъ бы Ганка, если бы могъ слышать нынѣшніе отзывы о себѣ. Дай Богъ чтобы всегда были; а

все-таки грустно, что нѣтъ уже Ганки въ Прагѣ, гдѣ при немъ было каждому Славянину такъ пріютно, такъ сердечно весело; грустно, что Ганки нѣтъ въ ряду Славянскихъ дѣятелей литературы и образованности, гдѣ онъ подвизался такъ ревностно и безкорыстно. Нельзя не скорбѣть о его смерти, не поминать его добромъ.

ДОБРОМУ ДОБРАЯ И ПАМЯТЬ.

(Это — слова Добровскаго, записанныя имъ въ памятную книжку Ганки за 50-тъ лѣтъ предъ симъ).

(*Читано въ засѣданіи 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ 15-го января 1861 г.*)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

—

I.

Изъ статьи П. А. Лавровскаго.

Сію минуту только получено мною телеграфное извѣстіе изъ Праги о смерти Вячеслава Вячеславича Ганки вчера (31-го декабря), въ 6 часовъ вечера.

Жизнь этого ученаго Славяниста и разумнаго патріота Славянскаго слишкомъ тѣсно и разносторонно была связана со всѣмъ Русскимъ, чтобы не напомнить о немъ сейчасъ же и не указать на нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ его жизни, которыя особенно относятся къ Русскому міру.

Конечно, передаваемое мною извѣстіе опечалитъ не одного моего соотечественника и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе зналъ онъ покойнаго и чѣмъ продолжительнѣе могъ наблюдать нѣжную все-Славянскую его душу. Для меня это извѣстіе было истиннымъ ударомъ: я такъ недавно еще видѣлся съ нимъ, можно сказать, только что разстался съ нимъ! И могъ ли я, прощаясь съ нимъ въ сентябрѣ, думать, что такъ скоро придется услышать о его смерти послѣ того, какъ такъ много сообщали мы другъ другу плановъ, надеждъ, мечтаній, на счетъ скораго будущаго свиданія! Не болѣе какъ черезъ два года мы условливались встрѣтиться въ Москвѣ, куда стреми-

лось постоянно Славянолюбивое сердце Вячеслава Вячеславича. Какъ дитя предавался онъ мечтанію о пути на святую Русь и еще болѣе восторгу, съ какимъ думалъ онъ прожить нѣсколько времени среди отечески имъ любимыхъ *Руссовъ*. И какъ заботился онъ объ этой поѣздкѣ! За нѣсколько лѣтъ онъ приступилъ уже къ размѣну своихъ скудныхъ денегъ на Русскіе полуимперіалы и, когда я предложилъ ему еще нѣсколько червонцевъ, наканунѣ своего отъѣзда, по дорогѣ въ Каролинумъ, куда велъ онъ меня въ послѣдній разъ, съ какою дѣтскою радостью и довольствомъ сообщилъ онъ мнѣ, что теперь онъ ужь не имѣетъ надобности въ нихъ: «У меня теперь ужь до 50 червонцевъ, кромѣ того есть и Саксонскіе банкноты, а этого для меня довольно. Вѣдь къ той порѣ будетъ готова желѣзная дорога въ Петербургъ изъ Варшавы». Я прибавилъ при этомъ, что онъ и заплатитъ только что за дорогу, потому что не позволятъ же ему тратиться на жизнь въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Судьба не привела его увидѣть обѣтованную для него землю. А для Вячеслава Вячеславича Россія была, по истинѣ, земля обѣтованная. Въ ней видѣлъ онъ спасеніе для цѣлаго Славянства, которое такъ глубоко носилъ въ своемъ сердцѣ; ее одну между Славянскими землями считалъ онъ на столько самобытною, что всякое чуждое вліяніе уподоблялъ небольшому пятнышку, готовому смыться при первомъ прикосновеніи влажной губки. Будучи, въ послѣднее время, довольно строгимъ судьею нѣкоторыхъ отступленій и уклоненій въ Австріи, онъ съ какою-то особенною мягкостію обсуждалъ то же самое въ нашемъ отечествѣ. На замѣчаніе посторонняго о противорѣчіи онъ спокойно возражалъ: «Да развѣ вы хотите ставить двѣ несравнимыя, по содержанію, земли на одну степень, и развѣ думаете подводить ихъ подъ одну мѣрку? Россія ищетъ прямой дороги и въ поискахъ нерѣдко принуждена идти околицами; Австрія отыскиваетъ кривые пути, убѣ-

гая какъ можно дальше отъ прямой дороги въ лѣса и болота».

Все, получаемое имъ изъ Россіи, пользовалось особенною у него цѣнностью: на нѣсколько дней, напр., выставлялась имъ на видъ каждая новая книга, присланная изъ Россіи, или ему лично, или въ даръ библіотекѣ музея, и В. В. всегда съ готовностью обращался къ объясненію содержанія и способа присылки для каждаго любопытствовавшаго, присоединяя къ этому и свои замѣчанія объ авторѣ, ежели самъ имѣлъ какія-либо свѣдѣнія о немъ. Вниманіе Русскаго правительства цѣнилъ онъ чрезвычайно высоко, и хотя это вниманіе направлено было, большею частію, если не всецѣло, исключительно на него, но понималъ онъ его далеко не въ исключительномъ, ни даже въ узко-народномъ смыслѣ. Покойный наслаждался и гордился имъ, какъ патріотъ *Славянскій*, пользующійся вниманіемъ единственнаго Славянскаго правительства. Не любя вообще отличій внѣшнихъ, онъ считалъ обязанностью украшаться орденами Русскими и дорогими подарками членовъ нашей Императорской фамиліи. Въ праздники у него постоянно красовались ордена св. Анны и Владиміра, въ настоящихъ ихъ размѣрахъ; въ дни будничные онъ носилъ металлическую дощечку, на которой, на золотыхъ цѣпочкахъ, были прикрѣплены тѣ же ордена въ уменьшенномъ объемѣ. При посѣщеніи общественныхъ мѣстъ, гдѣ господствовала народность Чешско-Славянская, какъ-то: театра, концертовъ бесѣдъ, В. В. надѣвалъ всегда и драгоцѣнные перстни на руку, вдѣвая, въ то же время, въ видѣ запонки, на манишку и великолѣпный брилльянтовый перстень Императора Александра Павловича. Правая рука его блестѣла тогда брилльянтами и другими дорогими разноцвѣтными камнями, и онъ любилъ давать ей въ такихъ случаяхъ то положеніе, при какомъ каждый, вблизи сидѣвшій или невдалекѣ проходившій, могъ ее видѣть. Никому, конечно, изъ благомыслящихъ Чеховъ, понимавшихъ характеръ

покойнаго, не приходило и въ голову упрекнуть его въ тщеславіи: всякій зналъ, что В. В. хочетъ только раздѣлить свое удовольствіе съ цѣлымъ народомъ, отъ котораго онъ не отдѣлялъ своей личности. И мнѣ, сидѣвшему постоянно рядомъ съ В. В., и въ театрахъ, и въ концертахъ, отрадно было наблюдать за молодыми Чехами, смотрѣвшими съ пріятною улыбкой и почтеніемъ на украшеннаго своего *пана-библіотекаря* Ганку.

Привязанность къ Россіи еще болѣе высказывалась у Вячеслава Вячеславича въ совѣтахъ и вспоможеніи Чехамъ изучать Россію и особенно Русскій языкъ. Какъ членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ, онъ, не смотря на постоянныя препятствія сверху, принялъ самъ на себя трудъ преподавать въ университетѣ Русскій языкъ, и преподавалъ его до конца своей многодѣятельной жизни. Онъ былъ виновникомъ и той распространенности Русскаго языка въ Прагѣ, какая невольно поражаетъ впервые прибывшаго туда Русскаго. А сколько и тутъ надобно было устранить козней и неудобствъ, борба съ которыми была удѣломъ цѣлой жизни покойника. Само собою понятно, что правительство не только не соглашалось сдѣлать этого предмета обязательнымъ, но прямо выражало свое неудовольствіе и на введеніе его въ университетъ. Жалованья, такимъ образомъ, не могло быть, и В. В. не получалъ ни одного крейцера. Оставался гонораръ, но Чехъ не богатъ: гдѣ ему взять деньги для профессора Русскаго языка, когда онъ едва въ состояніи взнести гульдены и за предметы обязательные! А между тѣмъ, его не допустятъ къ слушанію, ежели въ опредѣленный срокъ не будетъ представлена требуемая сумма. Вячеславъ Вячеславичь поступалъ такъ: онъ призывалъ студентовъ, желавшихъ учиться Русскому языку, къ себѣ, давалъ имъ самъ свои деньги, и получалъ ихъ уже въ послѣдствіи изъ правленія университета, какъ гонораръ, теряя, разумѣется, часть процентами, отбираемыми правительствомъ.

Едва ли много найдется Русскихъ, бывавшихъ хотя на одинъ день въ Прагѣ, которые не посѣтили бы Вячеслава Вячеславича: онъ былъ тѣмъ центромъ, куда обыкновенно, прежде всего, обращалось все Русское. И съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ онъ каждаго! для него тотъ день былъ праздникомъ, и онъ съ готовностью отрывался отъ своихъ занятій, коль скоро предстоялъ случай ознакомить новоприбывшаго съ рѣдкостями города Праги. Вячеславъ Вячеславичь охотно посвящалъ Русскому цѣлый день и даже болѣе, и при этомъ никогда не замѣчалось въ немъ ни досады, ни неудовольствія, ни усталости. Онъ исхаживалъ цѣлый городъ, останавливался на каждомъ замѣчательномъ домѣ, на каждой болѣе или менѣе важной мѣстности, объясняя подробно ихъ исторію и сводя мелочные факты къ общимъ свѣдѣніямъ о Славянствѣ, которыми такъ богата была память покойника. Его альбомныя книжки, назначенныя въ даръ нашей Публичной Библіотекѣ, въ которыхъ вписаны имена, съ разными мыслями, Русскими путешественниками, представляютъ не только подробную исторію и статистику пріѣзда Русскихъ въ Прагу, но, для внимательнаго читателя, и много такого историческаго, что̀, въ послѣдствіи, не можетъ не занять почетнаго мѣста въ исторіи нашего народнаго развитія. Въ этихъ книжкахъ, которыхъ исписано уже три, найдутся представители всѣхъ сословій Тутъ есть и аристократы, и люди военные, статскіе и духовные, и профессоры, и студенты, и люди бездолжностные, и женщины, и дѣвицы. И какъ дорожилъ покойникъ этими книжками! Какъ часто, въ свободныя минуты, бралъ онъ въ руки одну за другою и съ душевною теплотою вспоминалъ о лицахъ въ нихъ записанныхъ, восходя къ 1817 году, когда положено начало альбому! Передъ нимъ живо воскресало прошедшее и, будучи одаренъ изумительною памятью, онъ передавалъ всѣ мельчайшія подробности старыхъ знакомствъ такъ ясно, отчетливо, какъ будто все происходило только вчера.

Едва ли многіе изъ Русскихъ, познакомившихся съ В. В., не были сведены имъ хотя одинъ разъ и на лекціи Русскаго языка въ университетъ. Это было для него также празднествомъ. Съ каѳедры, своимъ кроткимъ голосомъ, онъ тотчасъ же объявлялъ слушателямъ, что «вотъ *еще* пожаловалъ къ намъ гость Руссъ, который прочитаетъ намъ что-нибудь, а мы поучимся правильному произношенію». При этомъ онъ не оставлялъ безъ замѣчанія, что мы должны благодарить такихъ гостей, которые не забываютъ и вдали своихъ меньшихъ братьевъ. Послѣ граматическаго объясненія и послѣ перевода на Чешскій какого-либо Русскаго отрывка, на что удѣлялось въ такомъ случаѣ только полчаса, В. В. вставалъ съ каѳедры и просилъ прибывшаго занять тамъ мѣсто для прочтенія чего-либо изъ произведеній нашей литературы. Предметъ выбирался, конечно, всегда народный.

Въ послѣдніе годы, особенное вниманіе В. В. сосредоточено было на распространеніи Русскаго языка въ женскомъ обществѣ, главнѣйшимъ образомъ между дѣвицами. Онъ разсуждалъ практически: «Если будутъ учиться дѣвушки, то о молодыхъ людяхъ нечего и заботиться, они отстать не могутъ.» В. В. обратился было и въ самомъ началѣ своего преподаванія къ дѣвицамъ, когда студенты, среди занятій Русскимъ языкомъ, стали утверждать, что онъ труденъ, основываясь на невозможности побѣдить новую въ ту пору для Чеховъ кирилицу. В. В. объявилъ имъ: «Ну, хорошо, я же вамъ докажу, что, не болѣе какъ въ три мѣсяца, у меня дѣвушки не только будутъ читать и писать Русскими буквами, но и понимать все по Русски. И дѣйствительно, черезъ полгода нѣкоторыя изъ юныхъ ученицъ даже могли и объясняться по Русски. Этотъ опытъ былъ блистателенъ по отношенію къ студентамъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ старавшимся опередить дѣвушекъ, но былъ очень несчастливъ въ другомъ отношеніи, на которое такъ много раз-

считывалъ покойникъ: именно, въ отношеніи къ распространенію выучившимися дѣвушками Русскаго языка между подругами. «Къ несчастію, не разъ повторялъ В. В., всѣ онѣ въ непродолжительное время или перемерли, или, вышедши замужь, уѣхали въ Нѣмецкія земли.» При всемъ томъ, мысль объ обученіи Русскому языку дѣвицъ, никогда не оставляла покойнаго. Не имѣя возможности, по старости и по дѣламъ, заниматься самъ, онъ выжидалъ только удобнаго случая, чтобы замѣнить себя кѣмъ-либо другимъ, кто бы еще болѣе могъ успѣть въ томъ же дѣлѣ. Онъ выжидалъ пріѣзда какой-либо Русской дамы въ Прагу на болѣе продолжительное время. Въ 1845 или 1846 г. такой случай представился: жена одного изъ нынѣшнихъ Русскихъ профессоровъ, проживавшаго мѣсяцевъ семь въ Прагѣ, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, выслушала предложеніе В. В. принять на себя трудъ поучить Чешекъ Русскому языку; дѣвицы были немедленно отрекомандованы, и ученіе пошло. Лѣтъ черезъ пятнадцать, явилась, подобнымъ же образомъ, еще одна Русская дама, и В. В. приступилъ къ ней на другой же день съ тѣмъ же предложеніемъ. Это было при мнѣ, и я не могъ не расцѣловать тутъ же почтеннаго старца, обнимавшаго своею непритворною любовію все и всѣхъ. «Вотъ, NN, вы пріѣхали къ намъ въ Чехію, въ Прагу; вѣдь вамъ будетъ скучно, особенно, когда вы останетесь однѣ. А у меня есть веселое для васъ занятіе. Нѣкоторыя изъ знакомыхъ мнѣ дѣвицъ желаютъ учиться по Русски; вы бы помогли имъ, а онѣ бы научили васъ по Чешски.» Не прошло и пяти часовъ, какъ стали являться и дѣвицы: дня черезъ два, сидѣли уже восемъ дѣвушекъ за Русскими книгами. Мнѣ не разъ приходилось являться съ В. В. и на уроки, и каждый разъ выискивалъ я средства, чтобы продлить свое удовольствіе — наблюдать, какъ наслаждается Славянолюбивый 70 лѣтній старикъ Русскими звуками и словами изъ устъ молоденькихъ его соотечествен-

ницъ. Но верхъ торжества для Вячеслава Вячеславича наступилъ тогда, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, нѣкоторыя изъ этихъ дѣвицъ могли вести съ нимъ Русскій разговоръ.

Съ одной стороны, любовь его къ Русскимъ, съ другой—вниманіе къ нему Русскихъ, не обходились ему дешево. Не только Австрійское правительство, но и всѣ приверженные къ послѣднему Нѣмцы смотрѣли на В. В. подозрительно, считая его нерѣдко Русскимъ агентомъ и постоянно сторонникомъ ненавидимой Австріею Россіи. Очень часто В. В. съ грустію передавалъ мнѣ, во время обычныхъ нашихъ прогулокъ, что какъ ни отрадно ему имѣть знаки Русскаго вниманія и расположенія, онъ не можетъ не сознаться, что они надѣлали ему много хлопотъ. Жаль только, прибавлялъ онъ неизмѣнно, что въ Россіи все еще думаютъ многіе, будто у насъ, въ Вѣнѣ, смотрятъ на подобное вниманіе разумно и хладнокровно. Читатели Русскихъ журналовъ могли уже убѣдиться, по крайней мѣрѣ узнать, что Австрійское правительство и не простило Ганкѣ его отношеній къ Славянству и особенно къ Россіи, хотя эти отношенія основывались едва ли не исключительно на личной привязанности и едва ли не имѣли лишь нравственно-литературнаго значенія. Процессъ, начатый съ Кугомъ о подлогѣ Краледворской рукописи и Суда Любушина, въ которомъ такъ нагло обвинялся Вячеславъ Вячеславичь, былъ дѣломъ чисто правительственнымъ, и продажный Кугъ явился только орудіемъ Нѣмецко-Австрійской централизаціи. Правда процессъ этотъ кончился не только положительнымъ оправданіемъ Ганки, но и блистательнымъ доказательствомъ дѣйствительности памятниковъ; тѣмъ не менѣе, сомнѣваться невозможно, что въ немъ заключалась и первая причина разстройства крѣпкаго здоровья покойнаго, здоровья, обѣщавшаго ему, быть можетъ, не одинъ еще десятокъ лѣтъ жизни. Чехи не могли безъ глубокаго со-

страданія видѣть, какъ съ каждою недѣлею, въ теченіе судебнаго процесса, ихъ благодѣтельный старецъ-патріотъ сгибался ниже и ниже, какъ лице его осовывалось больше и больше. Процессъ окончился. Ганка былъ оправданъ, но здоровье поправлялось медленно. Дождливое и холодное лѣто послѣдняго года, страсть покойника купаться, не смотря на дурную погоду, конечно, не могли не подѣйствовать на него разрушительно: увѣренность, что здоровье снова пріобрѣло ту же прочность, съ какою такъ побѣдоносно пренебрегалъ онъ прежде всѣ невзгоды, и нравственныя и физическія, оказалась на этотъ разъ ошибочною. Вячеславъ Вячеславичь простудился и получилъ желтуху на другой день послѣ моего отъѣзда въ началѣ мая, въ Венгрію и Галицію. Я едва могъ узнать его черезъ два мѣсяца, когда опять прибылъ въ Прагу: онъ какъ-то сгорбился, съежился, пожелтѣвшее лице покрылось морщинами и, хотя онъ не жаловался ни на что особенно, но нельзя было не замѣтить, что болѣзнь въ немъ была серьозная. В. В. перемѣнился и нравственно сдѣлался какъ-то задумчивъ, угрюмѣе, раздражительнѣе. Никогда не будучи боленъ, онъ боялся лечь въ постель видимо перемогалъ себя и являлся по прежнему ежедневно въ Бесѣду. Но уже не тѣмъ представлялся онъ своимъ Чехамъ. Они съ боязливымъ состраданіемъ смотрѣли на него и не скрывали другъ отъ друга опасеній на счетъ его жизни. Съ каждой недѣлей сокращалъ покойный и срокъ своего присутствія въ Бесѣдѣ. Вмѣсто десяти часовъ вечера, онъ сталъ уже удаляться въ девять, потомъ въ восемь, просиживая такимъ образомъ всего одинъ часъ, да и то не смогалъ сидѣть постоянно: неоднократно случалось мнѣ заставать его разлегшимся на диванѣ, въ комнатѣ журналовъ и газетъ, съ накинутымъ на лице платкомъ. Я не знаю еще ближайшей причины смерти его, мнѣ неизвѣстно ничего и изъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ его жизни; но, думается, что прежній

порядокъ ея продолжался до самаго конца, зародышь котораго заключался въ глубокомъ оскорбленіи и огорченіи, нанесенныхъ славному старцу процессомъ съ Кугомъ, орудіемъ темной Австрійской власти.

Во вторникъ 3-го (15-го) января будетъ его погребеніе на Вышеградѣ, гдѣ, вблизи церкви, давно уже было откуплено имъ мѣсто для себя и для своей жены. Я вполнѣ убѣжденъ, что Чехи сумѣютъ выразить, и при погребеніи и послѣ, свое сочувствіе, любовь, уваженіе и благодарность своему неизмѣнному семидесяти-лѣтнему патріоту. Къ нимъ присоединятся, безъ сомнѣнія, и представители всѣхъ другихъ поколѣній Славянскихъ, въ которыхъ почти никогда не бываетъ недостатка въ Прагѣ, и которые, подобно Русскимъ, не выѣзжали изъ нея, не насладившись кроткою и симпатичною бесѣдою Вячеслава Вячеславича или не воспользовавшись его совѣтами, основательными свѣдѣніями и глубокою опытностью. Неужели не откликнется ни чѣмъ Русскій образованный міръ, хотя въ лицѣ тѣхъ его членовъ, которые имѣли счастіе быть знакомыми съ покойнымъ? Вячеславъ Вячеславичь не можетъ и не долженъ остаться безъ памятника: какъ ни небогаты Чехи, они и сами не допустятъ до этого. Дѣло только въ томъ, что, при отсутствіи достаточныхъ средствъ, дѣло это затянется у нихъ на нѣсколько лѣтъ. Пусть же присоединятся Русскіе люди, которыхъ такъ любилъ покойный, которымъ такъ нѣжно и горячо помогалъ онъ по мѣрѣ силъ своихъ. Нѣсколько сотъ рублей собрать не трудно, когда масса знакомыхъ Вячеслава Вячеславича въ Россіи простирается, вѣроятно, далеко за тысячу и когда въ ея составѣ не найдется ни одного совершенно неимущаго. А какой бы памятникъ явился и въ шестьсотъ рублей въ Прагѣ, съ какимъ бы торжествомъ поставили его въ центрѣ другой половины Славянства, съ какимъ чувствомъ благодарности смотрѣли бы на него наши образованные братья Чехи и всѣ, навѣщающіе Прагу, осталь-

ные Славяне! Вячеславъ Вячеславичь былъ по преимуществу человѣкъ *сердца*: неужели же выкинутъ его изъ своего сердца тѣ, кто зналъ и пользовался его сердцемъ?

II.

Первое извѣстіе о кончинѣ Ганки въ газетѣ «Čas» číslo 12 v neděli 13 ledna.

Vaceslav Hanka zemřel!

Oděj se v smutek, národe náš, opět do hrobu sklesl věrný syn a dobrodinec Tvůj.

Již potácel jsi se, národe naš drahý, na pokraji záhuby věčné, jiż již hrana Tobě zaznívala; tu skrovná hrstka mužův, Bohem nadšenych, opět Tě vskřisila a novych sil dodala. Ne zbraní hlomozem ale tichou prací vytrvalou a obětavostí svatou zachovali Tě věrní synové a křisitelé: — skrovné hrstce mužův děkuje život svůj mnoho millionův! Většinu jich již chladná země jimá, — a dnes opět odňat nám jeden, jehož život celý jen vlasti patřil jediné.

Ne narodil se v paláci slavný nebožtik aniž pocházel z rodu skvějicího se dlouhou řadou předkův, ale spravdila se na něm slova přitele jeho a spolukřesitele, «že často více může pro vlasť pastýřova chýžka, nežli tabor, z něhož válčil Žižka.» Vyšelť z jádra lidu našeho, jemuž se zasvětil úplně.

Vaceslav Hanka vzorem jest, co zmůže vůle neoblomna, pilnost a vytrvalost neustupná. On poznav národ svůj a pomilovav jej, umínil sobě, veškerých sil svých vynaložiti, aby prispěl k jeho probuzení a oživení. A ne minul se cíle svého — toť ale také jedinou jeho náhradou, ovšem náhradou to neocenitelnou. I sám osud vyznamenal neunavnou činnost jeho — dopřálť mu, že odkryl poklad národu svému, jimž nabyl nového vzletu mocného a slávy mezi

národy druhými. Rukopis kralodvorský a pošlý z něho vzlet novějšího básnictví našeho — toť pomník Hankův — pomník to věčně živoucí.

Poznav také důležitost, aby se sblížili sbratření národové Slovanští, přispěl valně k tomu, že vzajemnost Slovanská přestala býti u nás pouhým slovem, nýbrž v život vstoupila. Hanka slavně k tomu se přičinil, že nás poznali Slované východní a jižní. Mnohý z krajin těchto k nám zavitavši v národním museu našem setkav se s Hankou nových nabyl myšlének, jež pak šířil po vlasti své.

Když r. 1848 nastal nám život politický, dokazal Hanka, ač tenkráte již šedý starec, smýšlením ráznym a neohrozeným, že miloval svobodu. V čas sjesdu Slovanského osvědčil účastenstvi horlivého, a politický spolek «Slovanská lipa» honositi se mohl po celou dobu trvani svého, že Hanka v čele jeho stál co předseda.

A jakého to přitele ztratila mládež naše studující! Kdo z nás mladších příležitost měl sblížiti se tomu to výtečnikovi, nikdy zajistě ne zapomene nevšední laskavostí jeho a neobyčejné ochotností, jimiž každemu vždy a ve všem přispěl radou a činem.

Včera o 6 hodině večerní dokonal starec sedmdesátiletý život svůj—a smrtí touto způsobena bolestná mezera v šiku obhajců národnosti naši.

Smutnym průvodem nebožtikovi vzdávajíce poslední česť doprovodíme tělesné jeho pozůstatky ku hrobu, kdež vložíme jej v lůno matky naši. Dopřejme mu lehkého odpočinku, jehož sobe byl zasloužil dlouholetou pilností svou; — dokud ale žiti bude národ náš, nepřestane se ozyvati po vsi vlasti upřímné a srdečné:

Vděčná paměť a sláva Vaceslavu Hankovi.

III.

Извѣстіе о погребеніи Ганки.

Ганка умеръ на 70-мъ году отъ роду: истинно-великолѣпныя и торжественныя похороны, которыми почтила его Прага, ясно показали, что Чешская нація умѣетъ достойно цѣнить тѣхъ, которые посвятили ей свою дѣятельность. Вчерашняя похоронная процессія замѣчательна не числомъ факеловъ, не множествомъ экипажей, не блескомъ обстановки, покупаемыхъ деньгами, но чрезвычайнымъ сочувствіемъ всѣхъ слоевъ Чешскаго народа. Прага не видывала еще такого величаваго погребенія!

Во дворѣ Народнаго музея, гдѣ жилъ Ганка, увѣшаннаго траурными флагами, стоялъ гробъ, окруженный зажженными восковыми свѣчами и украшенный большимъ лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ лентою Славянскихъ національныхъ цвѣтовъ (голубаго, краснаго и бѣлаго). По исполненіи огромнымъ хоромъ, подъ управленіемъ г. Лукеса, нѣсколькихъ похоронныхъ гимновъ, а также гимна, особо составленнаго для этого случая г. Прохазкою, въ три часа по полудни, епископъ д—ръ Крейчи, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, совершилъ послѣдній обрядъ и гробъ былъ поднятъ на колесницу. Печальная процессія тронулась. Впереди шли факельщики реальныхъ школъ и гимназій и множество пѣвчихъ, подъ руководствомъ упомянутаго выше г. Лукеса. Затѣмъ — духовенство, а прежде всего монахи орденовъ капуцинскаго и францисканскаго, воспитанники духовныхъ училищъ, всѣ пасторы Праги и за ними епископъ. Сряду за тѣмъ слѣдовала печальная колесница, запряженная четверкою лошадей; надъ гробомъ красовался упомянутый лавровый вѣнокъ, поднесенный академическимъ обществомъ, съ трехъ-цвѣтнымъ

Славянскимъ національнымъ бантомъ. По сторонамъ колесницы висѣли траурные щиты, съ надписью: «В. В. Ганка», знаками ордена св. Владиміра и Русскимъ девизомъ: «Польза, честь, слава». Кисти покрова несли: народный исторіографъ д-ръ Палацкій, д-ръ правъ Ригеръ, профессоръ Томекъ, князь д-ръ Рудольфъ Турнъ-Таксисъ, д-ръ правъ Фричь и членъ училищнаго совѣта Венцигъ. По обѣимъ сторонамъ колесницы шли шестеро молодыхъ Поляковъ и шестеро южныхъ Славянъ, въ національныхъ костюмахъ, въ конфедераткахъ и фескахъ; за ними — юнѣйшіе писатели и граждане Праги съ зажженными факелами и восковыми свѣчами. Сряду за колесницею, молодой графъ Кауницъ, попеременно съ д-ромъ Горачкомъ, сыномъ умершаго патріота Горачка, несли на бархатной подушкѣ экземпляръ «Краледворской Рукописи», увѣнчанный лаврами. Представители академическаго общества, въ которомъ покойный былъ почетнымъ членомъ, несли его орденъ на черной подушкѣ. За ними слѣдовалъ деканъ философскаго факультета; затѣмъ намѣстникъ королевства Богемскаго, графъ Форгахъ, со многими членами высшей знати, въ томъ числѣ князь Адольфъ Шварценбергъ младшій, князь Сальмъ, графъ Кламъ-Мартиницъ, графъ Гейнрихъ Хотекъ, графъ Рудольфъ Хотекъ, баронъ Гильдебрандъ и другіе; за ними мѣстный прелатъ д-ръ Цейдлеръ, Страговскій настоятель и гросмейстеръ ордена св. креста д-ръ Беръ. Во главѣ профессоровъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній шелъ заслуженный ректоръ Пражскаго университета д-ръ Туна; за нимъ многія духовныя особы, члены всѣхъ ученыхъ обществъ, также какъ и Пражскаго театра, императорскіе чиновники, ученые, граждане, студенты и безчисленное множество народа. 400 зажженныхъ факеловъ и 200 восковыхъ свѣчь были несены по обѣимъ сторонамъ печальнаго шествія писателями, художниками, учеными и гражданами.

Печальное шествіе направлялось къ Вышгороду, гдѣ по волѣ покойнаго, должно было совершиться погребеніе. По всѣмъ улицамъ на пути шествія стояли густыя толпы народа; окна и крыши домовъ были наполнены зрителями. На балконахъ городскаго клуба «Мѣщанской Бесѣды» и на зданіи Народнаго музея развѣвались черные флаги. Шествіе представляло величественное и поразительное зрѣлище.

У Вышгородскаго моста собралось высшее соборное духовенство, съ прелатомъ Руфферомъ во главѣ, для принятія гроба и сопровожденія его на вѣчное успокоеніе среди Вышгородскаго кладбища. Шествіе направилось прежде всего къ кладбищенской церкви св. апостоловъ Петра и Павла; здѣсь гробъ былъ поставленъ на высокій катафалкъ, со всѣми сопровождавшими его орденами, лавровымъ вѣнкомъ и «Краледворскою Рукописью». Когда духовенство собралось въ церковь, каноникъ Штульцъ вошелъ на каѳедру, сказалъ къ присутствующимъ трогательную рѣчь по покойномъ и совершилъ заупокойную молитву. Хоръ пѣвчихъ началъ похоронный гимнъ. Таинственный полумракъ сводовъ древняго храма, торжественное пѣніе, наступающіе сумерки и переливающійся свѣтъ зажженныхъ восковыхъ свѣчь среди глубокой тишины присутствовавшихъ производили необыкновенное впечатлѣніе.

Затѣмъ гробъ отнесенъ былъ на кладбище и опущенъ въ могилу, при пѣніи знаменитаго «salve regina». доктора Горака. Лавровый вѣнокъ и экземпляръ «Краледворской Рукописи» положены вмѣстѣ съ усопшимъ въ могилу. Духовенство и всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна и, совершивъ молитву, отдали послѣдній долгъ усопшему.

Во время шествія звонили во всѣ колокола Пражскихъ церквей. Число сопровождавшихъ усопшаго къ мѣсту послѣдняго упокоенія простиралось за тридцать тысячь; въ процессіи принимали участіе не только Пражскіе граждане, но и многочисленные обыватели изъ окрестностей. Городъ Кенигингофъ (Краледворъ), въ которомъ отыскана

покойнымъ Ганкою знаменитая рукопись, прислалъ отъ себя четырехъ представителей для присутствованія при погребеніи; отъ Берунскаго сельско-хозяйственнаго общества были вице-президентъ Махачекъ со многими членами. Не смотря на такое многочисленное стеченіе публики, при совершенномъ отсутствіи полиціи, съ начала до конца церемоніи господствовалъ полный порядокъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Аграмское Хорватское общество «Читаоница Загребачкая» поспѣшила прислать въ Прагу соболѣзновательную телеграмму, и что, въ слѣдствіе рѣшенія соорудить покойному Ганкѣ памятникъ, со многихъ сторонъ уже получены приношенія. Сверхъ-того, во многихъ большихъ общинахъ Богеміи и Моравіи отслужены панихиды въ память усопшаго.

VI.

На могилѣ Ганки.

1.

Zas navštivil nás anděl zkázy
a zkolil pevný, jarý kmen,
jenž pnul se z bujarého mlázi
a z prvních vital nový den.

On křisil národ, pre to hana
naň prudce sápala se pak;
tu slitne blesk — tu zazní hrana,
hněv tichne — laska trvá však.

«Nes předkům ve nadhvězdné kraje
od synův zprávu radostnou,
že jejch síla bujně zraje,
že pevně cestou slávy jdou.»

Hněv tichne, ale velké skutky
proud kvapný časů přemohou,
čin tichý jako podnik prudký
ovenčí národ oslavou.

A pro to Hanky slavné jmeno
pro věčnost s námi potrvá,
a bude vždycky velebeno
pokud Čech sama sebe zna.

2.

Pokrok má hroby za mezníky
a pro své nové bojovníky
vždy novou dobu počiná;
s mrtvými do rakve se vtěsná
zpominka slavná nebo děsná
a závisti hlas usiná.
Jen někdy, po dlouhém již čase
na hřbitov zbloudi potomek
a zdobí zapadlý hrob zase,
v němž s předkem dřimá dávny věk.

Však kdo z nás Čechů zapomene
na bohatýry posvěcené,
jimiž naš život vrácen byl;
kdo nezná světa minulosti
a divy síly, vzdělanosti,
jež jejich dech nám oživil?
A pro to třeba zahynuli,
u nich vždy naše láska dlí,
duch jejich k národu se tuli,
on s námi trpí, vítězí.

Tak Hanka pochován byl nami,
on, kreryž minulosti chrámy
v naději pevně vyhledal;
jenž předků zpěvy slychal tiše
a v klidné, zbožné, svaté pyše
k hovoru s nimi zasedal.
Vztěk nepřátel jej stíhal stále
a byl již vítězstvím si jist,
tu zazní hrana nenadále —
a zmírá mrzká nenávist.

Trváme v době považlivé,
však národa duch opět žive
a puká hrobu záclona;
z ní Českých reků sbor se říti,
by mohl válčit, vitěziti,
až úkol Čechů dokoná.
jen krátký čas — a jmeno naše
zas světem slavně zahoří,
a sláva nepřátel se plaše
do věčných mrákot zaboří. *).

V.

Поминки по Ганки.

Всѣ Славянскія газеты въ продолженіи января и февраля полны были извѣстій о совершеніи поминокъ по Ганкѣ не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ деревняхъ Славянскихъ, особенно Чешскихъ, Моравскихъ и Словацкихъ. Всюду на этихъ поминкахъ выказалось глубоко-грустное сочувствіе къ утратѣ великаго сподвижника и пониманіе заслугъ его — и стеченіемъ народа въ храмы, и великолѣпной обстановкой.

---

*) Оба стихотворенія сложены Ю. Яномъ, въ первые дни по кончинѣ Ганки. Траурные оттиски перваго были раздаваемы у могилы Ганки во время погребенія.

ОБОЗРѢНІЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

В. В. Ганки.

Труды В. В. Ганки такъ обширны, разнообразны и вмѣстѣ большею частію такъ важны, что ихъ обозрѣніе необходимо для того, чтобы правильно судить о заслугахъ этого неутомимаго труженика.

Предлагаемое обозрѣніе есть первый опытъ, составленный по матеріаламъ, находящимся у меня подъ рукою. Издаю его теперь съ тѣмъ чтобы познакомить читателей по крайней мѣрѣ съ разнообразіемъ трудовъ Ганки, а вмѣстѣ чтобы и воспользоваться въ послѣдствіи замѣчаніями библіографовъ, особенно Чешскихъ.

— Starobylá skládanie. Památka XIII a XIV weku z z negwzácněgssých rukopisów wydaná od Wáclawa Hanky. Djl prwnj. W Praze 1817.

Во введеніи обращено вниманіе на особенности древняго Чешскаго языка. Содержаніе:

1. Prokop.
2. Desatero kázanie božie.

3. Zdráwas.
4. O bohatci.
5. O smrtedlnosti.
6. Alan.
7. Wyssehrad.
8. O lisce i o čbánu.

— Starobylá skládanie. Djl druhy. 1818.

Во введеніи также замѣтки о древнемъ Чешскомъ языкѣ.

1. Maria Magdaléna (1—47).
2. Jan Aposstol (47 –49).
3. Sedmero radostí Panny Marie (49—91).
4. Nanebewzetj panny Marie (91—101).
5. O ssewcjch (117—125).
6. O konselech newěrných (125—129).
7. O zlých kowařiech (129—132).
8. O sladownjciech (132—135).
9. O lazebnjciech (135—138).
10. Řeznjk (138—140).
11. Pekař (144).
12. Hoře (144).
13. O přebognjciech (144—145).
14. O wražedlnjciech (145—149).
15. O lakomcjch (149—151).
16. Aleksander (151—264).
17. Wzdechnutj k Panně Marii (265—268).

— Starobylá skládanje. Djl třetj. 1818.

Къ книжкѣ приложены только объясненія непонятныхъ словъ. Содержаніе:

1. Dewatero radostj Sw. Marie.
2. Passige.
3. Plač sw. Marie.
4. Hrob božj. мистерія.
5. Prawda neb neustawičnost.
6. Smrt.

7. Řeč ginocha mladého.
8. Řeč kmete starého.
9. O sedmmezcietma blázniech.
10. O šesti studniciech.
11. Hwězda mořska.
12. Dorota panna.
13. Anzelmus.
14. Wzywanj panny Marie.
15. Kato.
16. Pjseň sw. Wogtěcha.
17. Kus legendy sw. Apostolů.
18. Kus Wykladu.
19. List z nebe.
20. Veritas.
21. Magowý sen.

— Rukopis Kralodworský. Sebranj lyricko-epických národnjch zpěwů. Starobylých skládanj djl zwláštnj. 1819.

Подлинникъ, чтеніе, объясненіе непонятныхъ словъ, Нѣмецкій переводъ В. Свободы изданъ тогда отдѣльной книжкой: Die Königinhofer Handschrift. 1819.

— Starobylá skládanie. Djl čtwrtý. 1820.

Приложено объясненіе непонятныхъ словъ. Въ книгѣ заключается только одна вещь:

Tristram weliký rek, baseň hrdinská (XIII в.).

— Igor Swatoslawič. Hrdinsky zpiew o taženj proti Polowcum. 1821.

Предисловіе по-Чешски, по-Сербски и по-Русски. Подлинникъ правописаніемъ Добровскаго и переводъ Чешскій, объясненія, Нѣмецкій переводъ.

— (Deutsch- böhmisches Wörterbuch. Herausgegeben von J. Dobrowsky. Prag. 1821. 2 тома: 4⁰).

Первый томъ этого Словаря изданъ Добровскимъ въ 1802 году; надъ вторымъ трудился Пухмайеръ, но Ганка издалъ съ дополненіями преимущественно словъ по ремесламъ.

— (Slowanské národnj pjsně. sebrané Fr. L. Čelakowským. I: 1822. II: 1825. III: 1827). Гапка содѣйствовалъ увеличенію этого превосходнаго сборника. Первый томъ ему и посвященъ.

— Starobylá skládanie. Památka XII—XIV stoletj. Djl opozděný. 1823.

Въ предисловіи общее обозрѣніе памятниковъ; отдѣльно объясненіе непонятныхъ словъ. Содержаніе:

1. Tandariaš (1—77).
2. Mágowý sen Hynka z Podiebrad. (78—122).
3. O manželstwj (122—152).
4. Rada otce k synu (153—178).
5. Podkonj a žak (178—198).
6. Mastičkař (198—219).
7. Milostná piseň krále Waclawa (220—227).
8. Pražska přihoda (228—233).
9. O prawdě (233—237).
10. Pjseň sw. Wogtěcha (238—240).
11. Král Jan Lucemburský.

— (Jana Husa). Dcerka aneb poznánie cesty prawé k spasenj. 1825.

Издано по рпси XV вѣка.

— Žalmowé a neb zpěwowé sw. Dawida od G. Streyce Zábřeského (XV в.). 1827.

— Stará powěst o Stogmjrowi a Brunswikowi knjžatech českých. Pro wybornou wytečnost gazyka dle starého rukopisu wydaná. Připogená gest tu také powest o Walterowi a Griseldě. 1827.

— Mater verborum. 1827. (Časopis Čes. mus. IV. 69 первое извѣстіе объ открытіи Чешскихъ глоссъ въ этомъ важной рукописи Латино-Нѣмецкой).

— Kralodworský rukopis. Zbjrka staro Českých spěvoprawných básnj s několika ginými staro Českými zpěwy. Königinhofer Handschrift. 1829.

Въ этомъ изданіи, кромѣ пѣсень Краледворской рукописи, помѣщены еще:

1. Libušin saud.
2. Milostná piseň pod Wyšehradem.
3. Milostná piseň krale Waclawa.

Такъ это осталось и въ слѣдующихъ изданіяхъ.

— Petrohradská legenda o sw. Wáclawu. 1830. (Čas. Čes. mus. IV. 53).

— Děginy České. Obgasněnj obrazů. Geschichte Böhmens. Erklärung der Bilder. 4°. 1832.

Первое изданіе напечатано въ 1822 году, а третье въ 1850 г. подъ названіемъ Obrazy dějin českých.

— Zbjrka neydáwněgšjch slownjků Latinsko-Českých. Vetustissima vocabularia Latino-bohemica. 1833.

Въ началѣ книги обозрѣніе помѣщенныхъ памятниковъ; въ концѣ обширный Указатель неизвѣстныхъ словъ. Содержаніе:

1. Mater verborum (1—24).
2. Bohemarius (27—53).
3. Clenii Rozkochany vocabularius (54—104).
4. Lexicon parvum vulgo Welessin dictum (107—154).
5. Nomenclator (157—174).
6. Catholicon magnum latino-teutonico-bohemicus (174—179).
7. Boemarius minor (179—181).
8. Anonymus latino-bohemicus (181—182).
9. Vocabularia latino-bohemica (183—184).
10. Glossae evangeliorum s. Joannis (186—208).
11. Glossae psalterii: I, II (209—258).
12. Glossae passionalis (258—325).
13. Ad glossarium juridicum (325—336).
14. Dialogi Bohemarii (337—355).
15. Sequentionarius Mag. Conradi (356—366).

— Dobrowsky's Slawin, Bothschaft aus Böhmen an alle Slawischen Völker. 2-e verbesserte, berichtigte und vermehrte Auflage von Wenceslaw Hanka. 1834.

Собраніе разныхъ филологическихъ, археологическихъ

и этнографическихъ статей. Первое изданіе вышло въ 1806 году; во второмъ изданіи, приготовленномъ Ганкою, многое прибавлено. Въ концѣ этой книги и въ тоже время отдѣльными оттисками изданъ

Der böhmische Cato (ср. St. Skl. III. 15).

— (Slownjk Česko-Německý Jos. Jungmanna. 1835 и слѣд. въ пяти томахъ). Ганка принималъ участіе въ изданіи этого Словаря внесеніемъ множества словъ съ выписками и объясненіями и поправками во время корректуры (это говорилъ мнѣ самъ Юнгманъ, выражая свою признательность Ганкѣ).

— O zpodních legendach mincj z desatého věku. 1836 (Čas. mus. 196).

— České korunovací mince. 1837 (Čas. 321.)

— Rodinné mince a medalie domu Roženberského w Čechach. 1837 (Čas. 453).

— (Древнѣйшіе памятники Славянскаго законодательства изд. *А. Кухарскимъ*. Варш. 1838). Значительная часть содержанія этой книги приготовлена къ изданію самимъ Ганкой, именно:

— Prawa zemie České (227—278). Jus terrae Boemiae (279—335).

— Ondřeje z Dubé Wyklad na prawo zemské (336 — 335).

— Řad zemského prawa (388—425). Ordo judicii terrae (426—476). —

— Mince a medalie hrab. Šlikowského 1838—39 (Čas. Mus. 1838: 499. 1539: 433).

— Wyklad některých nazwů u P. Žydka. 1839 (Čas. Mus 112. 240).

— Zprawa o Slowanském Ewangelium w Remeši 1839 (Čas. 491).

— Prwotísk Český a prwotisk Polský. 1840 (Čas. Mus. 78).

— Viktorína Kornelia ze Wšehrd Knihy dewatery o práwiech a súdiech i o dskách země České 1841.

Въ предисловіи сообщены свѣденія о сочиненіи и о рукописяхъ и кромѣ того Ф. Палацкимъ свѣденія о сочинителѣ, бывшемъ писаремъ у земскихъ доскъ королевства Чешскаго съ 1493 — 1497, и о важности его труда. Въ концѣ книги приложенъ объяснительный указатель.

— Žiwotowé Slowanských učitelůw Kyrilla i Methodia ze starých legend. 1841 (Čas. Mus. 464).

— Mince a medalie Alberta wéwody Fridlandského. 1842 (Čas. 1: 61).

— Přehled pramenů prawních w Čechach. 1842 (Rozbor staro České literatury. 1842, 151).

— Český cisiojanus. 1842 (Rozbor. 186).

— Výpisky Řemešského a Ostromirského evangelium. (Abhandlungen d. k. böhm. ges. 1843. 209).

— Smrti tanec. 1843 (Rozbor staro Česke literatury. 1844. 13).

— Komedya Česka o bohatcy a Lazarowy. 1843 (Rozbor. 15).

— Zrcadlo maudrosti sw. Czrhy. 1843 (Rozbor. 18).

— Jakob Palaeologus i Památník Matauši Kolinu z Chotěřiny. 1844 (Rozbor. 28).

— Cztenie zimnieho czasu. 1843. (Rozbor. 33).

— Tri naboženské traktaty z XV stoleti. 1844. (Rozbor. 43).

— Correspondenz zwischen Kaiser Rudolf II etc 1845. (Abhandlungen der k. Böhm. Geselschaft V folge. 46).

— O sw. Kyrillu i Methodiu 1846. (Čas. Mus. 5: переводъ статьи А. В. Горскаго.)

— Критика изданія Лаврентьевской лѣтописи въ Полномъ собраніи лѣтописей. 1847 (Čas. Mus. 803).

— Сазаво-Еммауское благовѣствованіе нынѣ же Реимское. 1846.

Въ введеніи изложены соображенія о судьбахъ, рукописи Реимскаго Евангелія по Чешски и по Русски. Далѣе подлинникъ Кирилловскими буквами строка въ строку и стра-

ница въ страницу, чтеніе Латинскими буквами, а подъ страницами соотвѣтствующія мѣста Остромирова Евангелія. Въ концѣ книги сравненіе разночтеній этихъ двухъ рукописей.

— Ospravedlnění nejnovějších oprav Českého pravopisu. 1847.

— Historia o cisaři Karlowi toho jmena čtwrtém od M. Prokopa Lupače z Hladačowa. 1848.

Издано по случаю 500 лѣтняго юбилея Пражскаго университета.

— Libušino proroctwí. 1849. (Čas. II. 138).

— Dalimilova chronika Česká v nejdavnější čtení navracena. 1850. 1856. 1853.

Важнѣе другихъ изданіе 1851 года, гдѣ находится во введеніи изслѣдованіе о Далимилѣ и его хроникѣ, а въ концѣ разночтенія списковъ, прибавленія, выписки и указатель собственныхъ именъ. Изданіе 1853 года, представляя только этотъ указатель и краткое обозрѣніе списковъ хроники, отличается отъ другихъ указателемъ непонятныхъ словъ.

— Bibliografická správa o vydáních Ezopových bajek (Čas. Čes. mus. 1848. IV. 337).

Это — разсмотрѣніе старѣйшихъ изданій, начиная съ изданія 1480 г. съ выписками.

— Zrnečka k palaegrafii staroslovanské. 1851. (Čas. mus. 155).

— Polyglotta kralodowského rukopisu. 1852.

Это изданіе, въ общемъ счетѣ изданій 10-е, отличается отъ многихъ другихъ тѣмъ, что въ немъ кромѣ подлинника и чтенія приложены переводы пѣсень на всѣ Славянскія нарѣчія и кромѣ того на языки Итальянскій, Французскій, Англійскій и Нѣмецкій. Первый опытъ такого изданія, но не совсѣмъ полнаго сдѣланъ въ 1835, а второй въ 1843 году.

— České prwotisky. 1852. (Čas. mus. III: 109. IV: 62).

— Святоѥ Евангелиѥ по Остромировоу съпискоу. 1853. Предисловіе по Чешски, по-Болгарски, по-Русски, по-Польски и по-Сербски. Въ концѣ — разночтенія Остромирова Евангелія. Текстъ расположенъ по евангелистамъ; описки писца по возможности исправлены.

— Nejstarší dosud známé hexametry České v Ciziojanu XIII věka 1853. (Čas. Mus. 415).

— Bibliografie prvotiskůw Českých od 1468 až do 1526 l. 1853.

— Hradecký zlomek Staroslowanských nedělních evangelií. 1854. (Čas. mus. 65).

— Nové objasnění několik zastaralých slow. 1854 Čas. mus. 267).

— Hadka duše s tělem. 1855. (Čas. 57 и 304).

— Modlitební knížka krále Ladislava Pohrobka. 1855. (Památky archeologicke 1. 310).

— Popsaní i vyobraženi Českých minci 1855 — 1860 Památky arch. I, II, III. IV).

— Tropar na čest sv. Metodia a sv. Vaclava. 1856. (Čas, Mus. II. 129).

— Bydžowšti ševcí. 1858. (Čas. 392).

— Hadka duše s tělem. 1859. (Čas. 480).

— Hrob sv. Václava na hradě Pražskem. 1859. (Památky Arch. III. 82).

— Dalimils chronik von Böhmen: Di tutsch chronik von Behemlant. Stuttgardt. 1859.

— Остатьци Словѣньскаго богослуженіа оу Чеховъ. 1859.

Во введеніи представлено обозрѣніе памятниковъ съ нѣкоторыми объясненіями. Собраніе заключаетъ всѣ доселѣ найденные въ Чешской землѣ памятники глаголическіе, сравнительно гдѣ было возможно съ текстами кирилловскими.

— Práva Rychnovských soukenniků. 1857—1861. (Čas. mus. XXXIV. 22).

— Čtenie Nikodemovo: co sě dálo při umučení Paně. 1861.

Издано по рукописи Страховскаго монастыря 1442 г. подъ рукою Ганки были еще списки Микуловскій 1453 г. и Университетскій 1465 года.

— Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský. Vydánie dvanácté. 1861.

Это послѣдній трудъ Ганки, вышедшій уже по его смерти.

Кромѣ этихъ трудовъ важныхъ въ филолого-археологическомъ отношеніи издано В. В. Ганкою много книжекъ, нужныхъ при изученіи Славянскихъ нарѣчій. Таковы:

— Prawopis Český podlé zakladu grammatiky. J. Dobrowského. 1817.

Эта книжка издавалась довольно часто, помогая малообразованнымъ Чехамъ пріучаться къ требованіямъ литературнаго правописанія.

— Mluwnice čili saustawa Českého gazyka podlé Dobrowského. 1822.

Чешская грамматика Добровскаго написана на Нѣмецкомъ; въ изданіи Ганки къ тому, что сдѣлано Добровскимъ, прибавлены кое-какія дополненія. Мнѣ извѣстны три изданія ея; послѣднее въ 1849.

— Mluwnice Polského gazyka podle Dobrowského. 1839.

Въ этой книгѣ Ганка самостоятельно приложилъ систему Добровскаго къ Польскому языку. Второе изданіе вышло въ 1850.

— Počatky posvátného jazyka slovanského. 1846.

— Начала священнаго языка Словянъ. 1846.

Это кратенькая грамматика Старославянская. Второе изданіе вышло въ 1859.

— Počatky Ruského jazyka s cvičenim i slovníkem. 1850.

Второе измѣненное изданіе этой хрестоматіи вышло въ 1857 г.

— Pravopis Rusko-Česky. 1852.

Трудъ собственно Пухмайера, но изданный Ганкою съ измѣненіями.

Остаются еще невычисленными здѣсь — ни переводы В. В. Ганки, а ихъ набралось въ продолженіе слишкомъ сорока-лѣтней дѣятельности довольно много, — ни его стихотворенія. Стихи писалъ Ганка отъ юности до послѣднихъ лѣтъ, и нѣкоторыя изъ его пѣсень сдѣлались почти вполнѣ народными.

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 391 193 0

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 391 193 0